

Ю. И. Внукovich

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь
E-mail: jurasis22@gmail.com

ДЗУКИЯ КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ РЕГИОН ЛИТВЫ: КОНСТРУИРОВАНИЕ, СТЕРЕОТИПЫ, МАРКЕРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассматривается самый близкий в географическом, историческом, языковом и культурном отношении к соседним славянским территориям этнографический регион Литвы — Дзукия, концептуализация и признание которого произошли сравнительно недавно.

Научная новизна исследования заключается в трактовке этнографического региона, прежде всего, как символического конструкта, призванного связывать и объединять людей на основании языковых и культурных маркеров их региональной идентичности.

В результате исследования охарактеризованы ключевые принципы выделения этнографического региона Дзукии, основанные как на внешних («объективных»), так и на внутренних («субъективных») дифференциальных признаках. Определяющую роль в конструировании идентичности литовцев-дзуков сыграла характерная особенность их говора — «дзуканье», лежащее в основе их номинации и стереотипизации. К декларируемым маркерам отличительности дзуков относятся также приписываемые им «архаические» элементы традиционной культуры, которые в наше время существуют преимущественно в дискурсе, а не в реальной жизни.

Ключевые слова: этнографический регион, идентичность, стереотипы, этнокультурные маркеры, Дзукия, Литва.

Для цитирования: Внукovich Ю. И. Дзукия как этнографический регион Литвы: конструирование, стереотипы, маркеры идентичности // Псковский регионологический журнал. 2022. Т. 18. № 1. С. 56–74. DOI: 10.37490/S221979310018328-3

Yu. I. Vnukovich

The Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Researches of
National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
E-mail: jurasis22@gmail.com

DZŪKIJA AS AN ETHNOGRAPHIC REGION OF LITHUANIA: CONSTRUCTION, STEREOTYPES, IDENTITY MARKERS

The article examines Lithuania's ethnographic region of Dzūkija, which is geographically, historically, linguistically and culturally closest to the neighboring Slavic territories, and whose conceptualization and recognition occurred only quite recently.

The scientific novelty of the research lies in the interpretation of an ethnographic region primarily as a symbolic construct designed to connect and unite people using linguistic and cultural markers of their regional identity.

As a result of the study, the key principles of identifying the ethnographic region of Dzūkija, based on both external (“objective”) and internal (“subjective”) distinctive features, have been characterized. The decisive role in the construction of the identity of the Dzūkian was played by the characteristic feature of their dialect — “dzūkavimas”, which is the basis of their nomination and stereotyping. The declared markers of the distinctiveness of the Dzūkian also include the “archaic” elements of traditional culture ascribed to them, which in our time chiefly manifest themselves in discourse rather than real life.

Keywords: *ethnographic region, identity, stereotypes, ethnocultural markers, Dzūkija, Lithuania.*

For citation: Vnukovich Yu. I. (2021), Dzūkija as an ethnographic region of Lithuania: construction, stereotypes, identity markers, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 18, no. 1, pp. 56–74. (In Russ.). DOI: 10.37490/S221979310018328-3

Введение. На основании различий в этнической культуре и языке в наше время принято выделять пять этнографических регионов Литвы — Аукштайтию, Жемайтию, Сувалкию, Дзукию и Малую Литву. Пожалуй, одну из самых глубоких эпистемологических проблем для учёных в их попытках определить чёткие границы этих регионов представляет Дзукия (лит. *Dzūkija*), складывание специфических характерных черт в традиционной культуре которой принято связывать со «славянским влиянием». Более того, именно из-за «нелитовского» населения, компактно населяющего окрестности Вильнюса, географические очертания и контуры этого региона оказываются весьма нюансированными, размытыми и неопределёнными. Однако это несколько не мешает позиционировать и активно продвигать его как один из наиболее самобытных и легко узнаваемых этнографических регионов Литвы. И неважно, что ещё в XIX в. Дзукии, как таковой, по сути не существовало.

Цель данной статьи — охарактеризовать основные принципы конструирования Дзукии как этнографического региона Литвы, а также рассмотреть стереотипы и этнокультурные маркеры литовцев-дзуков, определяющие символические границы их идентичности.

Изученность проблемы. Всестороннее изучение локально-регионального разнообразия этнической культуры является одним из приоритетных направлений современной литовской этнологии. Сложно назвать исследователя, изучавшего те или иные реалии этнической культуры литовцев и не пытавшегося, так или иначе, «вписать» их в уже существующую этнорегиональную классификацию. Её теоретическая разработка и концептуализация началась ещё в советский период, когда этнографы С. Цимерманис и В. Моркунас научно обосновали и предложили схему «историко-этнографического районирования Латвии и Литвы второй половины XIX века» [11, с. 10].

В наше время разработкой методологии выделения и описания этнографических регионов Литвы как отдельной научной проблематикой активно занимаются П. Кальнюс [20–22], Ж. Шакнис [38; 39], В. Туменас [40], А. Рагаускайте [31; 32]. Анализу явлений традиционной культуры Аукштайтии, Жемайтии, Сувалкии, Малой Литвы и Дзукии посвящены многочисленные статьи, отдельные сборники и обобща-

ющие коллективные монографии [25–27]. Однако исследования проблемы идентичности различных этнографических групп литовцев как своеобразного социального конструкта, а не «культурной данности», практически не проводились¹.

Методика исследования. Теоретической базой исследования послужили идеи П. Бурдьё, согласно которому любой регион в первую очередь следует рассматривать как продукт акта классификации [2, с. 48–49]. Исходя из этой логики, этнографический регион начинается тогда, когда он начинает интересовать этнографов, т. е. по сути можно говорить о его формальном изобретении (в том смысле, как этот процесс понимал Э. Хобсбаум [17, р. 4–7]).

В данной статье понятие «этнографический регион» рассматривается не столько как аналитическая категория, используемая учёными для классификации и интерпретации вариантных явлений этнической культуры², сколько как легитимный инструмент (или институт)³, позволяющий осуществлять категоризацию населения на основании его символической принадлежности к тому или иному этнокультурному пространству и, тем самым, воздействовать на функционирование его региональной идентичности.

«Акт категоризации, — писал П. Бурдьё, — когда ему удаётся достичь признания или когда он осуществляется признанным авторитетом, сам по себе обладает известной властью: «этнические» или «региональные» категории, подобно категориям родства, конституируют реальность, используя силу *откровения* и *конструирования*, которой обладает объективация в дискурсе» [2, с. 51].

Результаты исследования. Первые этнографические классификации литовцев, основанные на критерии их региональных различий и различений, появились ещё в середине XIX в. [3, с. 38–40]. Их разработка в значительной степени была связана с процессом поиска «классических», «исконных» земель того или иного народа, что было характерным явлением европейского научного дискурса, начиная с эпохи Просвещения. Следует подчеркнуть, что в Российской империи при делении земледельческих народов на отдельные «отрасли» и «племена» исследователи обычно исходили из понимания того, что воплощением этнического типа является «представитель народа», это значит крестьянин. Соответственно, типичный культурный ландшафт связывался исключительно с сельской местностью, как наименее затронутой влиянием городской цивилизации и наиболее сохранившей древние устои и традиции [8, с. 523].

¹ В качестве исключения необходимо назвать статью В. Савонякайте, которая одной из первых в литовской этнологии предложила рассматривать этнографический регион, прежде всего, как подверженное постоянным изменениям социальное, а не физическое пространство [37, р. 21–24].

² В таком случае нам пришлось бы различать «этнографическую», «историческую», «лингвистическую», «этномузыкологическую» Дзукию как результат её различного толкования и «воображения» представителями соответствующих гуманитарных дисциплин, тогда как на профанном («обывательском») уровне такой проблемы, как правило, не возникает.

³ Стоит отметить, что понятие этнографического региона закреплено в Литве на официальном уровне. В законе, который регламентирует деятельность Совета по охране этнической культуры (Etninės kultūros globos taryba), существующего с 2000 г. при Сейме Литовской Республики, сказано: «Этнографический регион — исторически сформировавшаяся часть территории, на которой сохранились самобытный диалект, традиции и обычаи, интегрировано наследие балтийских племён» (см. Lietuvos Respublikos etninės kultūros valstybinės globos pagrindų įstatymas. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.58146A37675A> (дата обращения 22.10.2021)). Более того, при вышеупомянутом Совете практически сразу же были созданы самостоятельные отделения Аукштайтии, Жемайтии, Сувалкии, Дзукии и Малой Литвы, что привело к столь долгожданной на местах институционализации этих регионов. Всё это способствовало бурному оживлению литовского регионалистского дискурса, стремившегося не только всеми способами «заставить» людей знать и признавать этнографический регион, но и навязать новое определение административных границ.

Одна из первых территориальных классификаций литовцев, выполненная в русле поиска их этнической типичности, была представлена офицером российской армии, этнографом и картографом Р. Ф. Эркертотом, который не только поделил их на две большие группы, «находящиеся между собою в близком родстве, а именно на Литовцев в тесном смысле слова, или Литвинов, и Жмудь» [13, с. 69], но и способом качественного фона наглядно показал их расселение на этнографической карте [14, Т. I]. Необходимо отметить, что разделение литовцев на две крупные, исторически сложившиеся и наиболее очевидные этнотерриториальные группы — «литву» (т. е. литовцев-аукштайтов) и «жмудь» (т. е. литовцев-жемайтов) — нашло своё отражение не только в работах исследователей того времени, занимавшихся описанием географии, истории, языка и культуры Литвы, но и в различных сферах управления, статистики, религии и т. д.

Конструирование новых региональных идентичностей литовцев в научном дискурсе происходило по мере накопления эмпирических сведений, позволявших исследователям объективировать различия и выделять те или иные этнотерриториальные группы населения на основании их отличительных культурных маркеров. При этом стоит иметь в виду, что уже в середине XIX в. литовские земли затронули динамические модернизационные процессы, которые воздействовали не только на их социальные связи, культуру, границы и этнонимии, но и на само понимание феномена регионализма. Показательная в этом плане концептуализация Дзукии как одного из самых «молодых» этнографических регионов Литвы, который, как заметил П. Кальнюс, является типичным примером того, как традиционная локальная культура пытается утвердиться и получить признание в современном мире [20, р. 98].

Принято считать, что впервые название *дзюки* («Dziuki») среди прочих коллективных прозвищ («Gogi», «Staki», «Szaki», «Zanawiki» и «Uzwingi»), использовавшихся по отношению к разным локальным группам литовского населения, проживающего в Занеманье, зафиксировал в середине XIX в. исследователь лесного хозяйства А. Полуянский [28, s. 132–133]. Согласно его описанию, опубликованному в 1859 г., литовцы-дзюки занимали весь Кальварийский и северную часть Сейнского уездов Августовской губернии.

В последней четверти XIX в. это, первоначально узколокальное название звуко-подражательного происхождения («Дзюки») и саму лингвистическую особенность *дзеканя* / *дзуканья* (лит. *dzūkavimas*)⁴, свойственную литовским говорам Кальварийского, Сейнского, Гродненского и Трокского уездов, после длительного экспедиционного изучения соотнёс и фактически увязал вместе авторитетный языковед и этнограф Э. Вольтер [4, с. 2–5]. При этом само фонетическое явление *дзеканя*, широко распространённое также у соседнего славянского населения, он считал результатом западнобалтийского («прусского») влияния в этом регионе, который в прошлом заселяли древние племена ятвягов, судовов и дайновов. Кроме того, Э. Вольтер засвидетельствовал факт внешнего определения и качественной оценки *дзуков* как «мешанцев» их северными соседями «жмудинами»: «Любопытно ещё и то, что некоторые выражения этих Дзюков, на которых, как на мешанцев, Жмудины смотрят иногда с презрением, — более оригинальны, чем у остальных Литовцев» [4, с. 5].

⁴ Характерной фонетической чертой юго-восточных литовских говоров является произношение *c, dz, cv, dzv* перед *i, y, ie* вместо *t, d, tv, dv* (например, *Dzievas* вместо *Dievas* «Бог», *cėvas* вместо *tėvas* «отец», *dzvi* вместо *dvi* «две» и т. д.).

Приблизительно в это же время название *дзуки* (лит. *dzūkai*) в качестве самообозначения стало употребляться в популярной литовской печати и самими уроженцами этого края. Одна из первых таких статей — «Из Дзукии» («Isz Dzukijos») — была подписана псевдонимом «Дзукас» («Dzukas») и напечатана в газете «Варпас» («Varpas») в 1889 г. [18, p. 157]. В ней *дзуки* характеризовались как литовцы, на которых наибольшее влияние оказали славянские соседи, что сказалось на их, как отмечалось, более дружелюбном характере («По причине соседства с медлительными Русинами [т. е. белорусами — Ю. В.] и обедневшими Мазурами, характер Дзука стал более мягким, ловким и миролюбивым по отношению к чужим народам, но и склонным к ассимиляции»), а также закладывался стереотип Дзукии как региона Литвы, где «чаще можно увидеть древние обычаи патриархальные» [18, p. 157].

В куда более основательном этнографическом очерке «Дзуки», сделанном, как полагают, тем же автором Ю. Радзюкинасом, и изданном сперва на польском [29], а затем на литовском языке [30], разъяснялось, что *дзуки* населяют почти весь «Сейнский уезд, за исключением Краснопольской волости, а также волостей Сейнской, Покровской, Берзницкой и Копцёвской, в которых население является смешанным (литовско-польским); большую часть Кальварийского уезда, а именно волости: Балькунскую, Олитскую, Наднеманскую, Удрийскую, Кракопольскую, Симнянскую, Краснянскую, Урдоминскую, Кирснянскую; в Сувалкском уезде приходы Пуньский (четверть населения в котором являются поляками) и Смолянский; в Мариампольском уезде приход Бальвержишский и северо-восточную часть Августовского уезда между Неманом, Августовским каналом и Сейнским уездом» [29, s. 42]. Их расселение в пределах Сувалкской губернии наглядно иллюстрировала небольшая карта «страны дзуков» (рис. 1).

В очерке очередной раз акцентировалась «патриархальная жизнь» *дзуков* (особенно южных), что, как утверждалось, и было залогом их благосостояния и благополучия [29, s. 46], а также давалась их сравнительная характеристика по отношению к остальным литовцам: «Типичный *дзук* обладает более живым темпераментом, чем другие литовцы, но в то же время он дружелюбный и сговорчивый, а характер его твёрдый и непреклонный. Если однажды он решил что-то сделать, то его не только не смущают никакие препятствия, но, напротив, с нарастающей энергией он будет преодолевать их, пока полностью не очистит себе путь, по которому идёт к намеченной цели. <...> Между литовцем и *дзуком*, несмотря на множество общих черт, есть существенная разница. Литовец, хоть и определяется постоянством характера и всегда аккуратным отношением к другим, в своих интересах он медлителен и нерешителен, а когда оказывается в удачливом положении, с удовольствием сибарита наслаждается текущим моментом, не думая о завтрашнем дне. *Дзук*, нисколько не уступая литовцу стойкостью своего характера, очень ловок, предприимчив, невероятно трудолюбив, мало склонен к эгоизму, но более к альтруизму, и всегда взваливает на свои плечи такое бремя, что с трудом его может нести. Образованный литовец часто забывает о своем гнезде и охотно тянется к незнакомцу. *Дзук* же с того момента, как только он начинает осознавать, кто он такой, постоянно имеет в мыслях тот клочок земли, который предки его потом своим орошали» [29, s. 46]. Примечательно, что подобный стереотип *дзуков* — как добродушных, весёлых, открытых и привязанных к родной земле крестьян, лучше всех остальных групп литовцев сохранивших свою архаиче-

скую культуру — ретранслировался в дискурсе литовского регионализма на протяжении всего XX в. вплоть до наших дней⁵.

Mapa kraju Dzuków.

Рис. 1. Карта «страны дзуков», составленная Ю. Радзюкинасом

Fig. 1. Map of the “country of dzuks”, compiled by J. Radziukinas

⁵ Например, в широко цитируемом в современной Литве энциклопедическом издании Б. Квиклиса «Наша Литва» («Mūsų Lietuva»), изданном в Чикаго в 1964 г., они описывались следующим образом: «Дзуки дольше всех сохраняли древние литовские обычаи, старинную одежду, тип строительства домов, их внутреннее убранство. Они выделяются живостью, воображением, открытостью, певучестью. Все привязаны к родной земле, которая, к сожалению, как и вся Виленщина, не может похвастаться урожайностью почвы» [24, p. 78].

На рубеже XIX и XX вв. дзуки уже стали рассматриваться некоторыми публицистами как «четвёртая часть литовского народа» (после литовцев-аукштайтов, жемайтов и пруссов (sic!)) [19, р. 7–8], а «патриарх литовской нации», профессор Й. Басанавичюс в своих исторических реконструкциях генеалогии балтийских племён попытался увязать их происхождение, ни мало, ни много, с древними *даками* [16, р. 28]. Чуть позже другой известный литовец и уроженец Дзукии, начинающий писатель В. Креве-Мицкявичюс в своём литературном творчестве «воскресил» и присвоил родному краю ещё одно древнее название — Дайнава́ (лит. *Dainava*) [23], отсылающее уже к древним («летописным») обитателям балто-славянского пограничья — ятвягам, известным в сопредельных землях исторической Литвы под названием *дайновов*⁶. Дайнаву он романтически описывал как край, окутанный древними легендами и преданиями, богатый народными песенными традициями, с живописной природой, где находятся самые глухие леса и непроходимые болота Литвы.

В 1920–1930-е гг. воспеванием Дзукии как самобытного края Литвы в своём творчестве активно занимались её уроженцы, известные литовские писатели, поэты, публицисты, краеведы, которые, помимо всего прочего, засвидетельствовали уникальность и богатство фольклорного наследия дзуков⁷. В городе Алитусе — символической столице Дзукии-Дайнавы — активно издавались многочисленные периодические издания, предназначенные, как было заявлено в одном из них, «без исключения для всех дзуков» [33, р. 1]. Это способствовало дальнейшему укреплению и осознанию особой дзукской идентичности жителями этой части Литвы.

Тем не менее, в первой половине XX в. Дзукия (т. е. область проживания литовцев-дзуков) всё ещё рассматривалась большинством исследователей как составная часть (субрегион) другого этнографического региона Литвы — Сувалкии (лит. *Suvalkija*), концептуализация которой происходила совершенно по-иному — административному — принципу [3, с. 41]. Название этого региона, современные контуры которого определяет река Неман и граница Литвы с Польшей, происходит от административного центра, который теперь находится за пределами литовского государства — польского города Сувалки. С 1795 по 1807 г. эта часть Литвы принадлежала Пруссии, в 1807–1815 гг. — Герцогству Польскому (которое находилось под протекторатом наполеоновской Франции), в 1815–1917 гг. — Царству Польскому (автономному государству в составе Российской империи). С 1867 г. из части Августовской губернии была создана Сувалкская губерния, в которую вошло и литовское Занеманье. С этого времени территорию губернии, как это нередко бывает, стали упрощённо именовать Сувалщиной (лит. *Suvalkija*)⁸.

Исключительная роль административной принадлежности населения в формировании его многоуровневой территориальной идентичности довольно хорошо изучена в историографии. Во-первых, существующее административное деление влияет на практики повседневной жизни и принуждает идентифицировать себя определённым

⁶ Это в дальнейшем породило научную дискуссию о степени преемственности литовцев-дзуков и древних дайновов [22, р. 170; 31, р. 19]. В любом случае, именно историческая Дайнава стала активно использоваться местной интеллигенцией как своеобразный символический капитал, дающий им право искать корни дзукской идентичности ещё в домодечном периоде.

⁷ В одной из таких публикаций фольклора «дзуков Вильнюсского края», собранного католическим священником М. Рудзисом, к последним впервые были отнесены и литовцы на севере от Вильнюса [34].

⁸ Помимо номинации «Сувалкия», по отношению к этому этнографическому региону нередко используют историческое название Судува (лит. *Sūduva*), реанимированное из средневековой номенклатуры балтийских земель, и географический термин Занеманье (лит. *Užnemunė*).

образом, рассматривать себя как «идентичных» один другому, осознавать свою территориальную общность, землячество, независимо от этнической принадлежности местного населения. Во-вторых, как пишет литовский этнолог Р. Меркене, административно-политические территории государства не только усиливали внутреннюю интеграцию и стабилизацию культурной наследственности, но и блокировали аккумуляцию новейшего слоя культуры близкородственного населения [9, с. 137–138].

Очевидно, что территориальная обособленность содействовала укоренению региональной специфики не только в Сувалкии, но также в Вильнюсском и Клайпедском краях, которые определённое время были отделены от Литвы государственными границами. Примечательно, что они изображены на первой карте-схеме этнографических регионов Литвы, подготовленной и выданной в 1939 г. известным литовским исследователем народного текстиля, искусствоведом А. Тамошайтисом (рис. 2). Однако в качестве трёх равнозначных крупных регионов на ней были выделены только Жемайтия, Аукштайтия и Сувалкия. Последняя в свою очередь состояла из трёх субрегионов, которые были заселены этнографическими группами литовцев-*занаукай* (лит. *zanaukai*), *капсов* (лит. *kapsai*) и занеманских *дзуков* [38, р. 127]. Выделение Клайпедского и Вильнюсского краёв в 1920–1930-е гг. в качестве отдельных субрегионов Литвы было обусловлено не только и, скорее всего, не столько этнокультурной спецификой этих пограничных территорий, сколько их особым политическим статусом.

Ключевое значение для конструирования и расширения дзукской идентичности, символическую границу которой (в отличие от других регионов Литвы) в массовом сознании людей выражал именно языковой маркер⁹, имело выделение литовским лингвистом А. Салисом самостоятельного дзукского диалекта литовского языка¹⁰, в ареал которого была включена и территория Вильнюсского края, оккупированного на тот момент поляками [36, р. 140a]. Это, как отмечает П. Кальнюс, поспособствовало укреплению в литовском научном дискурсе мнения о том, что регион Дзукии распростёрся далеко на север от Вильнюса (следовательно, «имеет единую традиционную культуру»), даже несмотря на то, что сам А. Салис особо акцентировал существенные языковые различия между восточными и западными дзуками [22, р. 166]. Более того, эти различия в 1960–1970-е гг. стали основанием для пересмотра «классической» диалектной классификации К. Явниса-А. Салиса и создания новой — диалектной классификации литовского языка З. Зинкявичюса-А. Гирдяниса. В последней выделяемый ранее «дзукский» диалект стал рассматриваться исключительно как интегральная часть «аукштайтского» диалекта, а понятие «дзукский» по отношению к языку и вовсе упразднилось [41, р. 13–16, 446].

Тем не менее, фактическое переименование диалекта нисколько не помешало выделить Дзукию в качестве отдельного этнографического региона на официальной карте историко-культурных областей Литвы (рис. 3), которая была напечатана в 1985 г. в первом томе обобщающего историко-этнографического атласа Прибалтики, посвященного земледелию [5, Карта II].

⁹ Как известно, в основе стереотипизации жителей отдельных регионов чаще всего лежат специфические особенности их языка, внешнего вида, ландшафта и др. [1, с. 180].

¹⁰ При этом А. Салис считал, что фонетическое явление *дзуканья*, характерное для говоров юго-восточных литовцев, появилось не ранее XIV–XV вв. и было связано с влиянием соседнего белорусского языка [35, р. 31–32]. Стоит отметить, что *дзеканье* / *цеканье* действительно распространено в белорусском языке практически повсеместно и является литературной нормой.

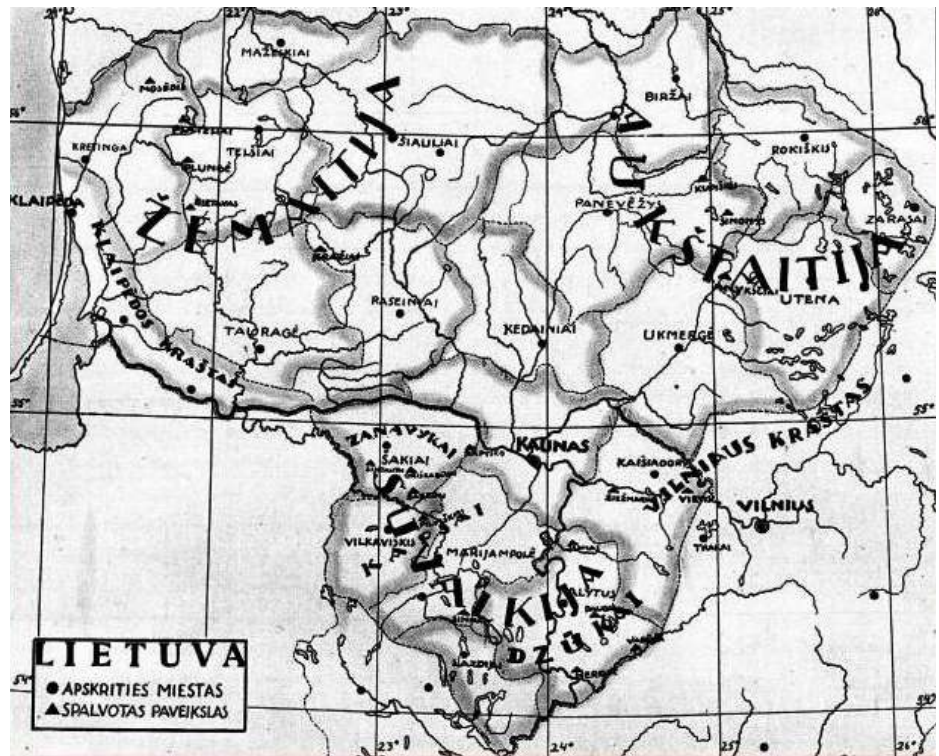

Рис. 2. Карта-схема этнографических регионов Литвы, составленная А. Тамошайтисом (1939 г.)
Fig. 2. Schematic map of the ethnographic regions of Lithuania, compiled by A. Tamošaitis (1939)

В следующем томе историко-этнографического атласа Прибалтики, посвящённом народной одежде, была вложена почти идентичная «вводная» карта (с такими же широкими переходными зонами), разработанная на основании анализа региональных вариантов традиционной мужской одежды [6, Карта III]. А вот на карте, сделанной на основании территориальной дифференциации комплексов народного женского костюма [6, Карта 1], были чётко обозначены все пять этнографических регионов Литвы (включая Клайпедский край) (рис. 4). При этом северная граница Дзукии оказалась несколько отодвинута на юг и местами проходила прямо по реке Вилии.

Попытки более чётко определить границы этнографических регионов Литвы активизировались в начале XXI в., когда в литовском обществе активно обсуждалась возможность административно-территориальной реформы страны в соответствии с научными представлениями о делении литовцев на отдельные субэтнические группы. С этой целью литовскими этнологами Ж. Шакнисом и Д. Пиворюнасом была подготовлена новая карта этнографических регионов Литвы, выразительные внешние очертания которых были проведены точно по границам самых мелких административных единиц страны — староств (рис. 5). В скором времени эти карты стали восприниматься и оцениваться на практическом уровне как своего рода эмблемы, которые имели большой символический эффект в деле официального признания и пространственного воображения региональных идентичностей Литвы.

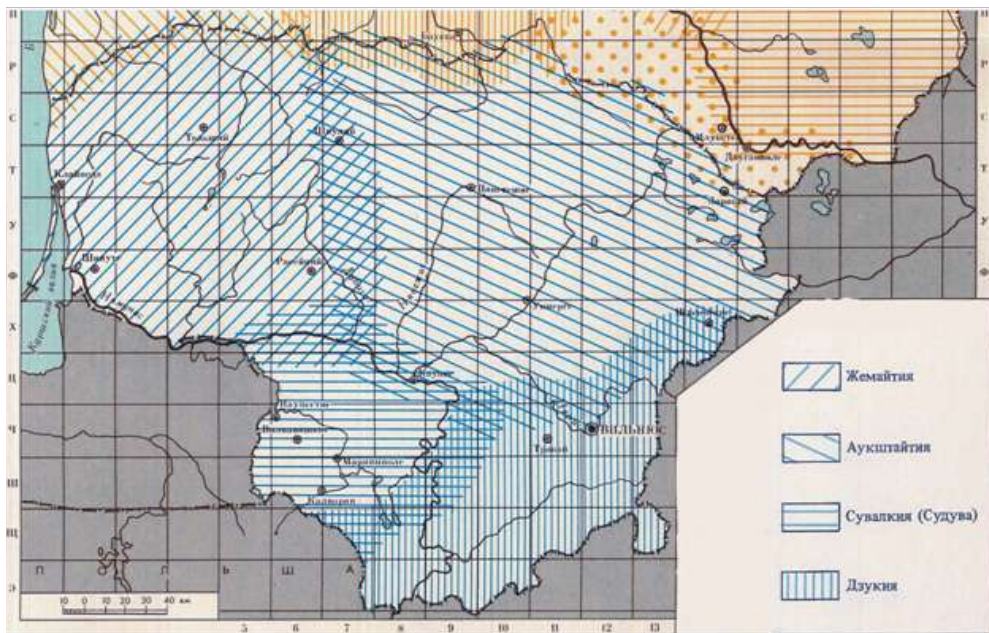

Рис. 3. Историко-культурные регионы Литвы (1985 г.)

Fig. 3. Historical and cultural regions of Lithuania (1985)

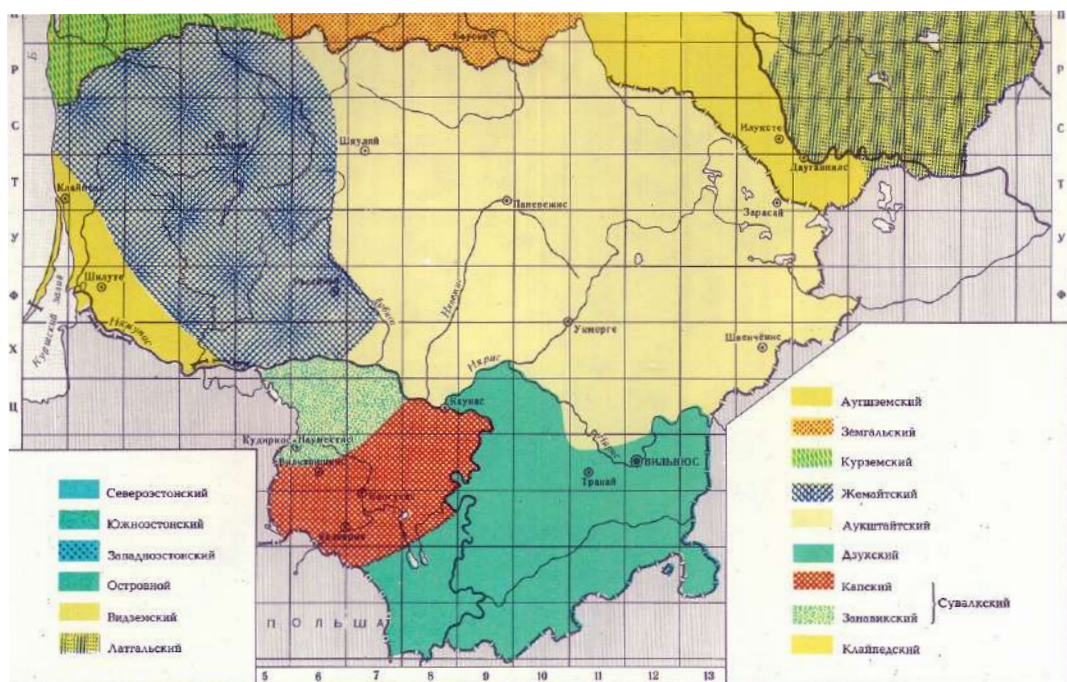

Рис. 4. Историко-культурные регионы Литвы, выделенные на основании анализа распространения комплексов традиционной женской одежды (1986 г.)

Fig. 4. Historical and cultural regions of Lithuania identified on the basis of an analysis of the distribution of traditional women's clothing complexes (1986)

Рис. 5. Этнографические регионы Литвы (по Ж. Шакнису и Д. Пивориюнасу, 2001 г.)

Fig. 5. Ethnographic regions of Lithuania (according to Ž. Šaknys and D. Pivoriūnas, 2001)

Между тем, в результате формального научного деления Литвы на отдельные этнографические регионы вне официальных практик классификации остались те идентичности, которые по ряду причин не смогли вписаться в аналитические схемы и конструкты, изобретённые национальными школами этнографии. Такой, к примеру, можно считать региональную идентичность этнически смешанного населения исторической Виленщины, ключевым фактором конструирования которой является наличие центрального города — Вильнюса, оказывавшего и продолжающего оказывать большое влияние на социальные практики жителей приграничных территорий Беларуси и Литвы. Ещё в 1920–1930-е гг. всесторонним изучением и концептуализацией Вильнюсского края как отдельного этнокультурного региона межвоенной Польши активно занимались известные преподаватели и студенты университета Стефана Батория в Вильнюсе (Ц. Бодуэн де Куртенэ Эренкрейц, М. Знамеровска-Пруферова, Г. Турска, Ч. Янковский и др.), основные идеи и результаты исследовательской работы которых были изложены в монографическом сборнике «Вильно и земля Виленская» («Wilno i ziemia Wileńska») (1930 г.). В первом томе этого издания знаменитый этнолог Ц. Бодуэн де Куртенэ Эренкрейц осторожно замечала, что этничность не является главным основанием для функционирования региональной идентичности, территориальное измерение которой скорее обуславливает важность экологического и хозяйственно-экономического факторов [15, s.173].

Однако после установления в 1940 г. современной политической границы между Литвой и Беларусью этот исторический регион оказался поделён между двумя государствами. Хотя уже в 1950-е гг. литовские этнологи были склонны расширять в своих исследованиях территорию Дзукии на весь Вильнюсский край [40, р. 134], до этого времени нерешённым остаётся вопрос, какую роль в концепции этнографических регионов должно играть иноэтничное («нелитовское») население в окрестностях Вильнюса. Например, в начале XXI в. литовский этнолог Ж. Шакнис, констатируя, что «наверно один из самых бесспорных способов локализации этнографического региона есть этнографическая идентичность самих жителей, это значит понимание того, к какому этнографическому региону относит себя сам человек» [38, р. 131], исследовал взгляды современной молодёжи на этнографические регионы Литвы. Во время полевых экспедиций он выяснил, что самая проблематичная ситуация с этнорегиональной идентичностью выявляется как раз на юго-востоке Литвы, где абсолютное большинство опрошенных им здесь нелитовцев не готово было отождествлять себя с каким бы то ни было этнографическим регионом [38, р. 135–136]. Такая ситуация существенно усложняет хотя бы приблизительное определение общей границы Дзукии и Аукштайтии, которые в районе Вильнюса фактически оказываются отделены одна от другой компактной территорией, населённой славяноязычным населением (рис. 6).

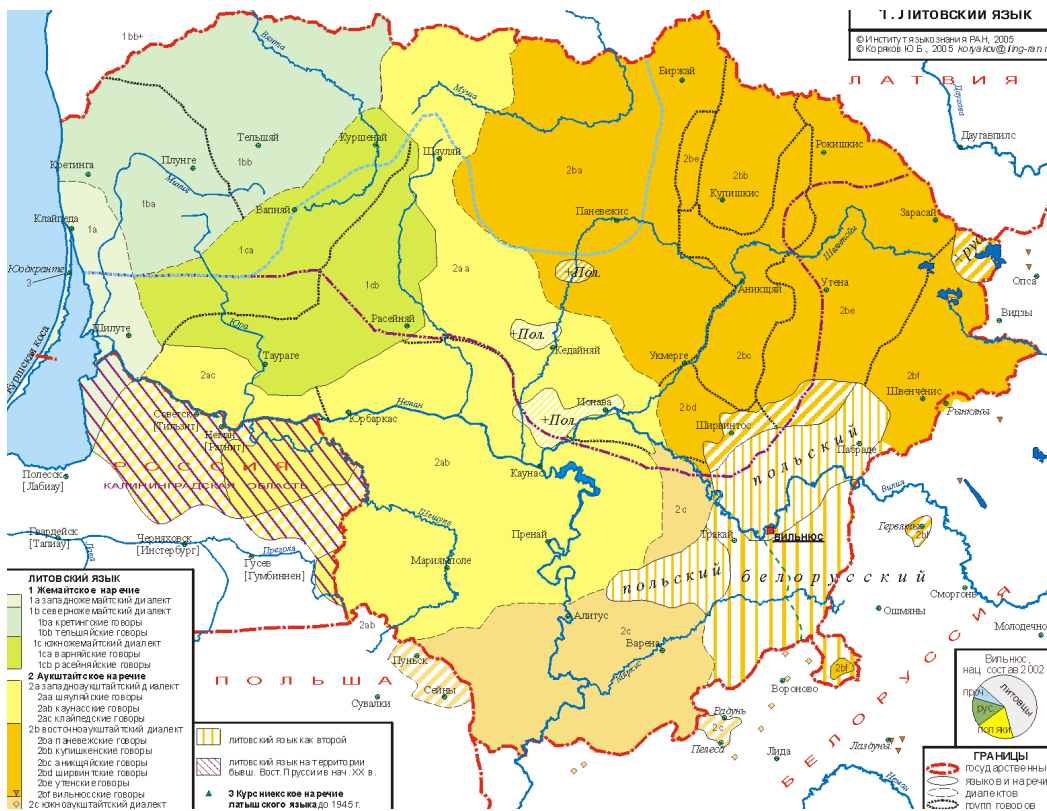

Рис. 6. Карта распространения диалектов литовского языка (согласно классификации 1964 г.) [7]

Fig. 6. Distribution map of Lithuanian dialects (according to the 1964 classification) [7]

Литовский географ А. Рагаускайте, которая в своей недавней монографии обобщила и проанализировала все известные этнотерриториальные классификации Литвы, так и не нашла ответа на вопрос, на основании каких научных критериев во второй половине XX в. Виленщина вдруг стала интегральной частью Дзукии [32, р. 95–96]. Более того, на своей сводной карте, где основной акцент делается не на точных границах отдельных регионов, а на их «ядрах», она не только выделила Виленщину (лит. *Vilnija*) как самостоятельный этнокультурный регион Литвы, но ещё и обозначила его славяноязычную часть (рис. 7).

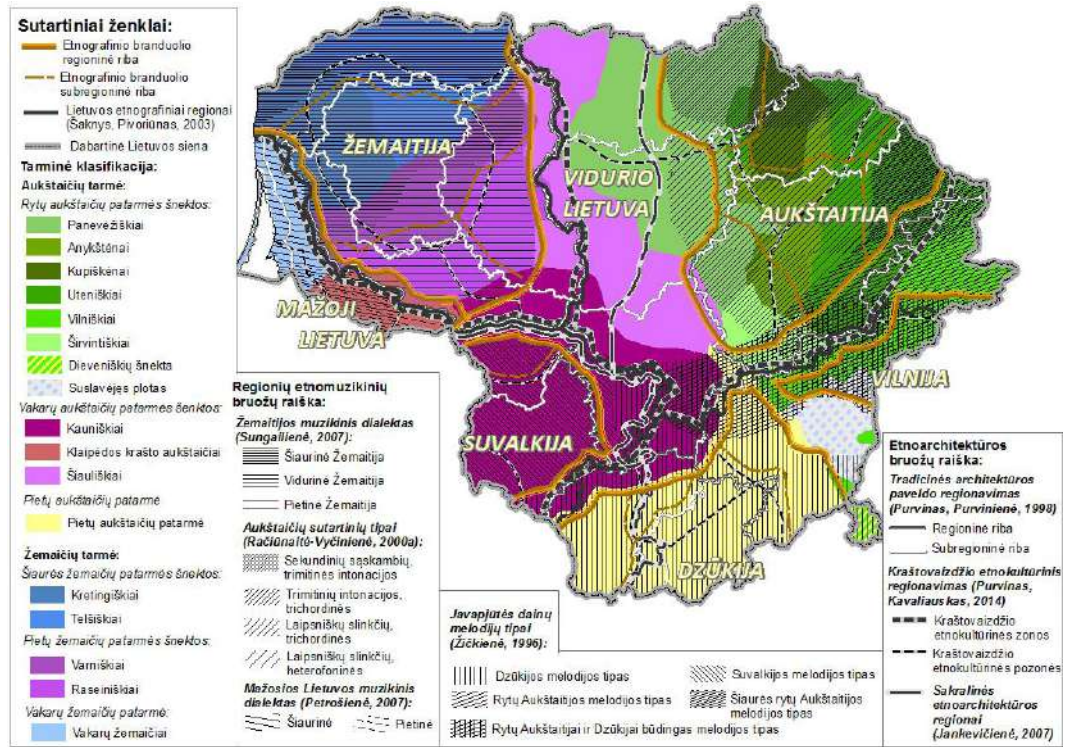

Рис. 7. Территориальная структура формальных регионов Литвы (согласно А. Рагаускайте)

Fig. 7. Territorial structure of the formal regions of Lithuania (according to A. Ragauskaitė)

Случай Виленщины показывает условность и относительность научно сконструированных этнографических регионов не только Литвы, но и соседней Беларуси [3, с. 47]. Так или иначе, современные регионы под влиянием разнообразных внешних и внутренних факторов стремительно изменяются как составная часть более широкого глобального пространства, поэтому этнографический регион всё больше воспринимается как символическая конструкция, которая, однако, как показывает пример Литвы, может возыметь исключительно важное инструментальное значение в конструировании региональной идентичности.

Всё же, как признаёт литовский этнолог П. Кальнюс, главным фактором, ускорившим выделение и признание этнографической области Дзукии, равнозначной по

своему рангу Аукштайтии, Жемайтии, Сувалкии и Малой Литве, было осознание общности и декларация отличительности самими дзуками [20, р. 99]. Именно лингвистический маркер дзукской региональной идентичности, изначально имеющий определяющую диагностическую роль лишь для самих жителей Литвы, подтолкнул учёных не только выделить южный (дзукский) диалект литовского языка, но и, в конце концов, концептуализировать целый этнографический регион — Дзукию, географические границы которого варьировали и зависели от конкретного («объективного») критерия, взятого за основание той или иной научной классификации (специфика языка, материальной или духовной культуры).

Дзукия как привлекательный в туристическом плане этнографический регион на юго-востоке Литвы, населённый не только литовцами, но и другими этническими группами, всё более интенсивно брендируется и экспонируется в конце XX — начале XXI вв. Здесь находится самый крупный в стране лесной массив — лес Дайनावос (Дайновский лес), который занимает 135 тысяч гектаров площади, а также самое большое на территории Литвы болото — Чепкелю (Чепкеляйское), занимающее площадь в 5858 гектаров. Среди туристов популярностью пользуются поездки в Дзукийский национальный парк — самую крупную природоохранную территорию Литвы.

Несмотря на то, что комплекс характерных специфических признаков, выделяющих крестьян-дзуков среди остальных групп литовцев, давным-давно остался далеко в прошлом, он продолжает осознаваться и воспроизводиться на символическом уровне. Так, в современном этнографическом нарративе Дзукию-Дайнаву по-прежнему позиционируют как лесистый регион с малоурожайными песчаными почвами, обусловившими, в сравнении с остальной Литвой, «более бедный быт местных крестьян, скромность их усадеб и построек»¹¹, следовательно, и «более древний уклад их жизни». Неудивительно, что здесь «дольше всего в Литве сохранялись курные хаты, архаические земледельческие орудия труда (серп, деревянная борона, соха и др.), архаические способы рыбной ловли, охоты и пчеловодства, лесные промыслы» [20, р. 100]. Тут «дольше, чем в других местах, праздновались различные календарные праздники, торжественными обрядами сопровождалась сельскохозяйственные работы, сохранялись древние свадебные, похоронные и другие обычаи». Также дзуки «особенно долго носили традиционную одежду», «не один другой этнографический регион Литвы не может похвастаться таким богатством и разнообразием поясов как дзуки». Из кулинарного наследия «дзуки гордятся своими пирогами из гречневой муки — бабками», здесь долгие, чем в других регионах Литвы, «сохранялся обычай печь из картофельной или гречневой муки обрядовые продолговатые булочки в форме батона с конопляной или маковой начинкой — шалтаносяй». Кроме того, «в этом регионе ещё и сегодня можно увидеть особенно древний способ пчеловодства с разведением пчёл в дуплах сосен». Типичная для западной Беларуси и восточной Литвы уличная застройка местных деревень способствовала тому, что здесь «дольше и сильнее всего сохранялись проявления крестьянской общности: например, трудовые помочи (толоки), вечёрки, на которых пряли и скубали перья, с песнями и играми, пасхальный волочёрный обряд («лалавимас»), посещение общей деревенской бани, самобытные банные родинные и свадебные обычаи» и т. д.

¹¹ Здесь и далее цитируется информация об этнографическом регионе Дзукия, размещённая на официальном сайте Совета по охране этнической культуры Литвы (см. Dzūkija (Dainava). [Электронный ресурс]: URL: <https://www.ekgt.lt/lietuvos-etnografiniai-regionai/dzukija-dainava/> (дата обращения: 22.10.2021).

Иными словами, в этнографических репрезентациях Дзукия предстаёт как уникальный самобытный регион, сохранивший самые архаические формы литовской культуры. В этом смысле она очень напоминает белорусское Полесье с его «воображаемой архаикой», которое, как риторически подметил белорусский этнолог П. Терешкович, «было и остаётся чем-то вроде Тробрианских островов или побережья Новой Гвинеи для многочисленных исследователей традиционной культуры Восточной Европы» [10, с. 259].

Однако с точки зрения типологических сходств и культурной общности этот регион ближе всего Белорусскому Понеманью — формальному этнографическому региону, образ которого в дискурсе белорусского регионализма диаметрально противоположный образу Дзукии. Если в последней, согласно литовскому этнографическому нарративу, крестьянская культура «дольше всего сохраняла традиционные архаические черты», то культура Понеманья в изложении белорусских этнографов, напротив, «прогрессировала быстрее», чем в других регионах Беларуси [12, с. 291]. Такое различное представление двух соседствующих регионов (между которыми в действительности нет явных контрастных культурных различий и границ) связано с различным пространственным измерением развития белорусских и литовских земель национальными нарративами. Дело в том, что модернизация сельской культуры и белорусов, и литовцев, как известно, продвигалась с запада на восток. Соответственно, в системах координат национальных школ этнографии западные регионы Беларуси и Литвы показываются как наиболее «вестернизированные», а восточные и южные — как экономически менее развитые и, соответственно, лучше сохранившие «архаическую» культуру.

Заключение. Таким образом, случай этнографического региона Дзукии наглядно демонстрирует не только, как традиционная локальная идентичность может утвердиться в современном глобальном мире, но и как, получив официальное признание, она способна конституировать, по сути, новую реальность, «используя силу откровения и конструирования, которой обладает объективация в дискурсе». Несмотря на то, что «дзуканье» как внешний («объективный») критерий выделения ареалов вызывает постоянные споры не только у этнографов, но и лингвистов, оно стало главным диагностически значимым маркером идентичности, прежде всего, для самих людей. Именно этот признак, легший в основу номинации и стереотипизации юго-восточных литовцев, дал первоначальный импульс к конструированию отдельного этнографического региона Литвы — Дзукии. К символическим маркерам отличительности дзуков относятся также приписываемые им «архаические» элементы традиционной культуры, которые в наше время существуют преимущественно в дискурсе, а не в реальной жизни.

Литература

1. *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. Пер. с польск. М.: «Индрик», 2005. 528 с.
2. *Бурдые П.* Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 45–60.
3. *Внуковіч Ю. І.* Вынаходніцтва этнаграфічных рэгіёнаў Беларусі і Літвы: параўнальная характарыстыка // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки*. 2021. № 1. С. 37–49.
4. *Вольтер Э.* Об этнографической поездке по Литве и Жмуди летом 1887 года // Приложение к XVI тому Записок Императорской Академии Наук. СПб., 1887. № 5. С. 1–158.

5. Историко-этнографический атлас Прибалтики / Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР и др.; Редкол.: Л. Терентьева (гл. ред.) и др. Вильнюс, 1985. Т. 1. Земледелие / Под ред.: М. Рабинович (отв. ред.) и др. 140 с.
6. Историко-этнографический атлас Прибалтики / Редкол.: Л. Н. Терентьева (гл. ред.) и др.; Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР и др. Рига, 1986. Одежда / М. К. Слава, А. А. Воолмаа, Э. В. Вундер, А. Ф. Кярнер, Э. Т. Астель, К. К. Конзин, М. К. Милулене, В. И. Куликаускаене; Под ред. Г. С. Масловой (отв. ред.) и др.; Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Ин-т истории АН ЛатвССР, Ин-т истории АН ЛитССР, Ин-т истории АН ЭССР, Гос. этнограф. музей ЭССР. 173 с.
7. *Коряков Ю. Б.* Карты балтийских языков. 5. Литовский язык // Языки мира: Балтийские языки. М.: Academia, 2006. С. 221.
8. *Лескинен М. В.* Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М.: Индрик, 2016. 680 с.
9. *Меркене Р.* О влиянии административно-территориального деления на специфику этнографических областей Литвы // Проблемы этнической истории балтов: тезисы докладов межресп. науч. конф. / АН Латвийской ССР, Ин-т истории; редкол.: И. Э. Ронис (отв. ред.) [и др.]. Рига, 1985. С. 135–138.
10. *Терешкович П. В.* Конструирование идентичностей населения западной части Белорусского Полесья // Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / В. В. Амелин, Я. Беван, Е. Веттер и др.; Под ред. Е. И. Филипповой и К. Ле Торривеллека. М., 2018. С. 247–270.
11. *Цимерманис С. Я., Моркунас В. И.* Об историко-этнографических областях в Латвии и Литве во второй половине XIX в. // Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов / АН Латвийской ССР, Ин-т истории; редкол.: М. Рудзите, М. Слава, С. Цимерманис (отв. ред.). Рига, 1980. С. 9–45.
12. *Цітоў В. С.* Панямонне // Народная культура Беларусі. Энцыкл. давед. / Пад агул. рэд. В. С. Цітова. Мінск, 2002. С. 288–291.
13. *Эркерт Р. Ф.* Взгляд на историю и этнографию западных губерний России (с атласом). СПб.: В тип. Дома Призрения Малолетних Бедных, 1864. 72 с.
14. *Эркерт Р. Ф.* Этнографический Атлас западнорусских губерний и соседних областей. СПб., 1863. 28 с.
15. *Baudouin de Courtenay-Ehrenkreutzowa C.* Kilka uwag i wiadomości o etnografji Województwa Wileńskiego // Wilno i ziemia Wileńska. Wilno, 1930. Т. 1. S. 173–218.
16. *Basanavičius J.* Etnologiškos smulkmenos. Tilžė: Spaustuvėje Otto von Mauderodes, 1893. 32 p.
17. *Hobsbawm E.* Introduction: Inventing Traditions // The Invention of Tradition. Edited by E. Hobsbawm and T. Ranger. Twelfth printing. Cambridge University Press, 2004. P. 1–14.
18. *Dzukas.* Isz Dzukijos // Varpas. 1889. Nr. 10. P. 157.
19. *Jonas Jr.* Gudai ir Lietuviai. Etnografiškas piešinėlis (Atspauda iš „Tevynes“). Wilkes-Barre, Pa.: Spaustuvėje „S.L.A.“, 1900. 30 p.
20. *Kalnius P.* Etnografinė Dzūkija // Lietuvos etnologijos ir antropologijos enciklopedija / sudarė V. Savoniakaitė. Vilnius, 2011. P. 98–104.
21. *Kalnius P.* „Kitokie“ tarp „savų“: Lietuvos etnografinių grupių stereotipai // Lietuvos etnologija: socialinės antropologijos ir etnologijos studijos. 2002. Nr. 2(11). P. 23–52.
22. *Kalnius P.* Vilnius ir jo apylinkės lietuvių etnografinėje tipologijoje // Vilniaus istorijos metraštis. 2007. T. I. P. 163–177.
23. *Krėvė V.* Dainavos šalies senų žmonių padavimai. Vilnius: M. Kuktos spaustuvė, 1912. 158 p.
24. *Kviklys B.* Vilnija (Pietryčių Aukštaitija) // Mūsų Lietuva: krašto vietovių istoriniai, geografiniai, etnografiniai bruožai: 4 t. / B. Kviklys. Boston (Mass.), 1964. Т. 1. P. 69–80.
25. Lietuvos kultūra: Aukštaitijos papročiai / R. Paukštytė-Šaknienė, V. Savoniakaitė, Ž. Šaknys, I. Šidiškienė; [sudarytojas Ž. Šaknys]; Lietuvos istorijos institutas. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2007. 216 p.
26. Lietuvos kultūra: Dzūkijos ir Suvalkijos papročiai / R. Paukštytė-Šaknienė, V. Savoniakaitė, Ž. Šaknys, I. Šidiškienė; [sudarytojas Ž. Šaknys]; Lietuvos istorijos institutas. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2009. 194 p.
27. Lietuvos kultūra: Mažosios Lietuvos ir Žemaitijos papročiai / R. Paukštytė-Šaknienė, V. Savoniakaitė, Ž. Šaknys, I. Šidiškienė; [sudarytojas Ž. Šaknys]; Lietuvos istorijos institutas. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2012. 244 p.
28. *Pohujański A.* Wędrowki po gubernji augustowskięj w celu naukowym odbyte. Warszawa, 1859. 450 s.
29. *Radziukinas J.* Dzuki // Wisła: miesięcznik geograficzno-etnograficzny. T. 14, z. 1. 1900. S. 42–54.

30. Radziukynas J. Dzukai // *Dirva-Žinynas*. 1904. Nr. 2. P. 78–92.
31. Ragauskaitė A., Daugirdas V. Džukijos kultūrinis regionas // *Geografijos metraštis*. 2010–2011. Nr. 43–44. P. 16–28.
32. Ragauskaitė A. Lietuvos etnokultūrinis regionavimas. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2019. 192 p.
33. Redakcija. Kam leidžiamas „Džukas“? // *Džukas*. 1927. Nr. 1. P. 1.
34. Rudzis M. Vilniaus krašto džukų būrai, patarlės, mįslės ir žaidymai // *Lietuvių tauta: Lietuvių Mokslo Draugijos raštai*. Vilnius, 1923. Kn. 3, d. 2 (1920–1922). P. 456–462.
35. Salys A. Kelios pastabos tarmių istorijai // *Archivum Philologicum*. Kaunas, 1933. T. 4. P. 21–34.
36. Salys A. Raštai. T. IV: Lietuvių kalbos tarmės. Roma: Lietuvių Katalikų Mokslo Akademija Raštai, 1992. 373 p.
37. Savoniakaitė V. Įvadas. Tapatybė erdvėje ir laike: kintantys regionai // *Lietuvos etnologija: socialinės antropologijos ir etnologijos studijos*. 2007. № 7(16). P. 19–37.
38. Šaknys Ž. Etnografiniai regionai Lietuvoje: šiuolaikinio jaunimo požiūris // *Tautosakos darbai*. 2012. XLIII. P. 126–142.
39. Šaknys Ž. Vilniaus kraštas: etnografinio ir istorinio regiono dermė? // *Res Humaniriae*. XXVII. 2020. P. 28–43. DOI: <http://dx.doi.org/10.15181/rh.v27i0.2157>.
40. Tumėnas V. Konvencionalūs, klasifikaciniai ir interpretaciniai regioninės tapatybės aspektai ir sąsajos su taudai // *Lietuvos etnologija: socialinės antropologijos ir etnologijos studijos*. 2007. № 7 (16). P. 125–156.
41. Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija: lyginamoji tarmių fonetika ir morfologija. Vilnius: Leidykla „Mintis“, 1966. 540 p.

References

1. Bartmiński J., ed. (1999), *Językowy obraz świata* [The linguistic image of the world]. Wyd. 2 popr. Lublin, Wydaw. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 297 p.
2. Bourdieu P. (2002), Identity and Representation: Elements of Critical Reflection of the Idea of “Region”, *Ab Imperio*, no. 3, pp. 45–60. (In Russ.).
3. Vnukovich Yu. (2021), The invention of ethnographic regions of Belarus and Lithuania: comparative characteristics, *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki* [Herald of Polatsk State University. Series A. Humanity sciences], no. 1, pp. 37–49. (In Belarus.).
4. Volter E. (1887), About an ethnographic trip through Lithuania and Zhmud’ in the summer of 1887, *Prilozhenie k XVI tomu Zapisk Imperatorskoi Akademii Nauk* [Annex to the XVI volume of the Notes of the Imperial Academy of Sciences], Saint Petersburg, no. 5, pp. 1–158. (In Russ.).
5. Terent'eva L., ed. (1985), *Istoriko-etnograficheskii atlas Pribaltiki* [Historical and ethnographic atlas of the Baltic states], Vilnius, Vol. 1. Agriculture, 140 p. (In Russ.).
6. Terent'eva L., ed. (1986), *Istoriko-etnograficheskii atlas Pribaltiki* [Historical and ethnographic atlas of the Baltic states], Riga, Vol. Clothing, 173 p. (In Russ.).
7. Koryakov Yu. B. (2006), Maps of the Baltic languages. 5. Lithuanian, *Yazyki mira: Baltiiskie yazyki* [Languages of the World: Baltic Languages], Moscow, Academia Publ., P. 221. (In Russ.).
8. Leskinen M. V. (2016), *Great Russian. From the history of the construction of ethnicity. Century XIX*, Moscow, Indrik Publ., 680 p. (In Russ.).
9. Merkienė R. (1985), On the influence of administrative-territorial division on the specifics of the ethnographic regions of Lithuania, *Problemy etnicheskoi istorii baltov* [Problems of the ethnic history of the Balts], Riga, pp. 135–138. (In Russ.).
10. Tereshkovich P. V. (2018), Construction of the identities of the population of the western part of the Belarusian Polesya, *Svoi i chuzhie. Metamorfozy identichnosti na vostoke i zapade Evropy* [Their own and others’. Identity metamorphoses in Eastern and Western Europe], Moscow, pp. 247–270. (In Russ.).
11. Cimermanis S. J. & Morkunas V. I. (1980), On the historical and ethnographic regions in Latvia and Lithuania in the second half of the 19th century, *Etnograficheskie i lingvisticheskie aspekty etnicheskoi istorii baltskikh narodov* [Ethnographic and linguistic aspects of the ethnic history of the Baltic peoples], Riga, pp. 9–45. (In Russ.).
12. Tsitou V. S. (2002), Panyamonne, *Narodnaya kultura Belarusi* [Folk culture of Belarus], Minsk, Belarusian Encyclopedia Publ., pp. 288–291. (In Belarus.).
13. Erkert R. F. (1864), *A look at the history and ethnography of the western provinces of Russia (with an atlas)*, Saint Petersburg, In the printing house of the House of Charity for the Juvenile Poor, 1864. 72 p. (In Russ.).

14. Erkert R. F. (1863), *Ethnographic Atlas of Western Russian provinces and neighboring regions*, Saint Petersburg, 1863, 28 p. (In Russ.).
15. Baudouin de Courtenay-Ehrenkreutzowa C. (1930), Kilka uwag i wiadomości o etnografji Województwa Wileńskiego [A few remarks and news about the ethnography of the Wilno Voivodeship], *Wilno i ziemia Wileńska* [Wilno and the Wilno Land], Wilno, vol. 1, pp. 173–218. (In Polish).
16. Basanavičius J. (1893), *Etnologiškos smulkmenos* [Ethnological details], Tilžė, Spaustuveje Otto von Mauderodes, 32 p. (In Lithuanian).
17. Hobsbawm E. (2004), Introduction: Inventing Traditions, *The Invention of Tradition*, ed. E. Hobsbawm & T. Ranger, 12th printing, Cambridge University Press, pp. 1–14.
18. Dzukas (1889), Isz Dzukijos [From Džūkija], *Varpas* [The Bell], no. 10, pp. 157. (In Lithuanian).
19. Jonas Jr. (1900), *Gudai ir Lietuviai. Etnografiškas piešinėlis* [Gudai and Lithuanians. Ethnographic essay], Wilkes-Barre, Pa., Spaustuveje „S.L.A.“, 30 p. (In Lithuanian).
20. Kalnius P. (2011), Etnografinė Džūkija [Ethnographic Džūkija], *Lietuvos etnologijos ir antropologijos enciklopedija* [Encyclopedia of Lithuanian Ethnology and Anthropology], ed. V. Savoniakaitė, Vilnius, pp. 98–104. (In Lithuanian).
21. Kalnius P. (2002), „Kitokie“ tarp „savų“: Lietuvos etnografinių grupių stereotipai [“Others” Among “One’s People”: the Stereotypes of the Lithuanian Ethnographic Groups], *Lithuanian Ethnology: Studies in Social Anthropology and Ethnology*, no. 2 (11), pp. 23–52. (In Lithuanian).
22. Kalnius P. (2007), Vilnius ir jo apylinkės lietuvių etnografinėje tipologijoje [Vilnius and its Environs in Lithuanian Ethnographic Typology], *Annales historiae vilnensis*, vol. 1, pp. 163–177. (In Lithuanian).
23. Krėvė V. (1912), *Dainavos šalies senų žmonių padavimai* [Legends of the old people of Dainava country], Vilnius, M. Kuktos spaustuvė, 158 p. (In Lithuanian).
24. Kviklys B. (1964), Vilnija (Pietryčių Aukštaitija) [Vilnius Region (Southeast Aukštaitija)], *Mūsų Lietuva: krašto vietovių istoriniai, geografiniai, etnografiniai bruožai* [Our Lithuania: historical, geographical and ethnographic features of local areas], ed. B. Kviklys, Boston (Mass.), vol. 1, pp. 69–80. (In Lithuanian).
25. Paukštytė-Šaknienė R., Savoniakaitė V., Šaknys Ž. & Šidiškienė I. (2007), *Lietuvos kultūra: Aukštaitijos papročiai* [Lithuanian culture: customs of Aukštaitija], ed. Ž. Šaknys, Vilnius, Lietuvos istorijos instituto leidykla, 216 p. (In Lithuanian).
26. Paukštytė-Šaknienė R., Savoniakaitė V., Šaknys Ž. & Šidiškienė I. (2009), *Lietuvos kultūra: Dzūkijos ir Suvalkijos papročiai* [Lithuanian culture: customs of Džūkija and Suvalkija], ed. Ž. Šaknys, Vilnius, Lietuvos istorijos institutas, 194 p. (In Lithuanian).
27. Paukštytė-Šaknienė R., Savoniakaitė V., Šaknys Ž. & Šidiškienė I. (2012), *Lietuvos kultūra: Mažosios Lietuvos ir Žemaitijos papročiai* [Lithuanian culture: customs of Lithuania Minor and Žemaitija], ed. Ž. Šaknys, Vilnius, Lietuvos istorijos instituto leidykla, 244 p. (In Lithuanian).
28. Potujański A. (1859), *Wędrowki po gubernji augustowskiej w celu naukowym odbyte* [Wandering around the Augustów Governorate for research purposes], Warszawa, 450 s. (In Polish).
29. Radziukinas J. (1900), Džuki, *Wisła: miesięcznik geograficzno-etnograficzny* [Vistula: geographic and ethnographic monthly], vol. 14, no. 1, pp. 42–54. (In Polish).
30. Radziukynas J. (1904), Džukai, *Dirva-Žinyas*, no. 2, pp. 78–92. (In Lithuanian).
31. Ragauskaitė A. & Daugirdas V. (2010–2011), Džūkijos kultūrinis regionas [Cultural region of Džūkija], *Annales Geographicae* 43–44, pp. 16–28. (In Lithuanian).
32. Ragauskaitė A. (2019), *Lietuvos etnokultūrinis regionavimas* [Ethnocultural regionalization of Lithuania], Vilnius, Vilniaus universiteto leidykla, 192 p. (In Lithuanian).
33. Redakcija. (1927), Kam leidžiamas „Džūkas“? [For whom is “Džūkas” published?], *Džūkas*, no. 1, pp. 1. (In Lithuanian).
34. Rudzis M. (1923), Vilniaus krašto džukų būrtai, patarlės, mįslės ir žaidymai [Džūkian spells, proverbs, riddles and games of the Vilnius region], *Lietuvių tauta: Lietuvių Moklo Draugijos raštai* [Lithuanian Nation: Letters of the Lithuanian Science Society], Vilnius, vol. 3, part 2 (1920–1922), pp. 456–462. (In Lithuanian).
35. Salys A. (1933), Kelios pastabos tarmių istorijai [A few remarks on the history of dialects], *Archivum Philologicum*, Kaunas, vol. 4, pp. 21–34. (In Lithuanian).
36. Salys A. (1992), *Raštai IV: Lietuvių kalbos tarmės* [Collected Writings IV: Lithuanian Dialects], Roma, Lietuvių Katalikų Mokslo Akademija, 373 p. (In Lithuanian).
37. Savoniakaitė V. (2007), Įvadas. Tapatybė erdveje ir laike: kintantys regionai [Introduction. Identity in Space and Time: The Changing Regions], *Lithuanian Ethnology: Studies in Social Anthropology and Ethnology*, no. 7 (16), pp. 19–37. (In Lithuanian).

38. Šaknys Ž. (2012), Etnografiniai regionai Lietuvoje: šiuolaikinio jaunimo požiūris [The Ethnographic Regions of Lithuania from the Perspective of the Contemporary Youth], *Folklore Studies*, vol. XLIII, pp. 126–142. (In Lithuanian).
39. Šaknys Ž. (2020), Vilniaus kraštas: etnografinio ir istorinio regiono dermė? [The compatibility of ethnographic and historical regions? The case of the Vilnius region], *Res Humanitariae*, vol. XXVII, pp. 28–43. (In Lithuanian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15181/rh.v27i0.2157>.
40. Tumėnas V. (2007), Konvencionalūs, klasifikaciniai ir interpretaciniai regioninės tapatybės aspektai ir sąsajos su tautodaile [The Conventional, Classificatory, and Interpretative Aspects of Regional Identity, and their Relations with Folk-Art], *Lithuanian Ethnology: Studies in Social Anthropology and Ethnology*, no. 7 (16), pp. 125–156. (In Lithuanian).
41. Zinkevičius Z. (1966), *Lietuvių dialektologija: lyginamoji tarmių fonetika ir morfologija* [Lithuanian dialectology: comparative phonetics and morphology of dialects], Vilnius, Leidykla “Mintis”, 540 p. (In Lithuanian).

Сведения об авторе

Внукович Юрий Иосифович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела фольклористики и культуры славянских народов, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.

E-mail: jurasis22@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2037-8150

About the author

Yury Vnukovich, senior researcher at The Department of Folklore and the Culture of Slavic people, The Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Researches of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.

E-mail: jurasis22@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2037-8150

Поступила в редакцию 21.01.2022 г.

Поступила после доработки 28.02.2022 г.

Статья принята к публикации 10.03.2022 г.

Received 21.01.2022.

Received in revised form 28.02.2022.

Accepted 10.03.2022.